

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(2), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Коновалова О. В. Марксизм в истории социалистического движения России : концепция Виктора Чернова / О. В. Коновалова, А. П. Дворецкая, Л. В. Белгородская // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 463—482. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-463-482.

Konovalova, O. V., Dvoretzskaya, A. P., Belgorodskaya, L. V. (2025). Marxism in History of Socialist Movement in Russia: Concept of Viktor Chernov. *Nauchnyi dialog*, 14 (2): 463-482. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-463-482. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Марксизм в истории социалистического движения России: концепция Виктора Чернова

Коновалова Ольга Викторовна
orcid.org/0000-0002-7738-8061
доктор исторических наук,
профессор, кафедра истории России,
мировых и региональных цивилизаций,
корреспондирующий автор
olgav--k@yandex.ru

Дворецкая Анна Павловна
orcid.org/0000-0002-0140-3704
кандидат исторических наук
доцент, кафедра истории России,
мировых
и региональных цивилизаций
advoreckaya@mail.ru

**Белгородская Людмила
Вениаминовна**
orcid.org/0000-0003-2165-9464
доктор исторических наук,
профессор, кафедра истории России,
мировых и региональных цивилизаций
blv.kr@yandex.ru

Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

Marxism in History of Socialist Movement in Russia: Concept of Viktor Chernov

Olga V. Konovalova
orcid.org/0000-0002-7738-8061
Doctor of History,
Professor, Department of Russian History,
World and Regional Civilizations,
corresponding author
olgav--k@yandex.ru

Anna P. Dvoretzskaya
orcid.org/0000-0002-0140-3704
PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian History,
World and Regional Civilizations
advoreckaya@mail.ru

Lyudmila V. Belgorodskaya
orcid.org/0000-0003-2165-9464
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History,
World and Regional Civilizations
blv.kr@yandex.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

© Коновалова О. В., Дворецкая А. П., Белгородская Л. В., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена эволюции взглядов лидера и теоретика партии социалистов-революционеров Виктора Михайловича Чернова на роль марксизма в развитии социалистического движения в России в конце XIX — первой трети XX веков. Исследование позволяет выявить отношение лидера эсеров к идейно-теоретическому наследию марксизма, с новых позиций переосмыслить достижения и просчеты марксизма. Источниками являются опубликованные и неопубликованные работы теоретика эсерства. Авторы приходят к заключению о том, что взгляды Чернова на роль и значение марксизма в истории общественно-политической мысли и движения не оставались неизменными. Показано, что в контексте полемики с российскими социал-демократами до Первой мировой войны Чернов уделял внимание философским, социологическим построениям марксизма, а также инициировал дискуссии по аграрному вопросу. Отмечается, что в годы Первой мировой войны он критически высказывался о позиции марксизма в сфере национальных отношений. Выявлено, что в 1930-е годы он связывал приход к власти национал-социалистов в Германии и утверждение сталинского режима в СССР с ошибками и просчетами марксизма. Новизна исследования состоит в углублении знаний о развитии взглядов В. М. Чернова по вопросу о роли марксизма в истории социалистического движения.

Ключевые слова:

Виктор Чернов; марксизм; эсеры; социал-демократы; социалистическое движение; аграрный вопрос; национал-социализм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article explores the evolution of the views held by Viktor Chernov, a leader and theorist of the Socialist Revolutionary Party, regarding the role of Marxism in the development of the socialist movement in Russia from the late 19th century to the early third of the 20th century. The study reveals Chernov's relationship with the ideological and theoretical legacy of Marxism, offering a fresh perspective on its achievements and shortcomings. The sources include both published and unpublished works of the theorist of the Socialist Revolutionary movement. The authors conclude that Chernov's views on the role and significance of Marxism in the history of socio-political thought and activism were not static. It is demonstrated that, in the context of polemics with Russian Social Democrats prior to World War I, Chernov focused on the philosophical and sociological constructs of Marxism, while also initiating discussions on agrarian issues. Notably, during World War I, he critically assessed Marxism's stance on national relations. Furthermore, it is revealed that in the 1930s, he linked the rise of National Socialists in Germany and the consolidation of Stalin's regime in the USSR to the errors and miscalculations of Marxism. The novelty of this research lies in its contribution to a deeper understanding of Viktor Chernov's evolving perspectives on the role of Marxism in the history of the socialist movement.

Key words:

Viktor Chernov; Marxism; Socialist Revolutionaries; Social Democrats; socialist movement; agrarian question; National Socialism.

Марксизм в истории социалистического движения России: концепция Виктора Чернова

© Коновалова О. В., Дворецкая А. П., Белгородская Л. В., 2025

1. Введение = Introduction

Марксизм со времени своего возникновения и до сегодняшнего дня является одной из самых влиятельных доктрин в развитии научной и общественной мысли. До сих пор марксизму посвящается множество книг и статей в рамках разных направлений научного знания. Назовем несколько из них. Доктор философских наук Н. С. Розов в своей статье «Идеи и ошибки марксизма в свете исторической макросоциологии» обращает внимание на достоинства и ошибочные утверждения марксизма в сфере макросоциологических аспектов [Розов, 2018]. Доктор экономических наук А. В. Бузгалин в подготовленной им книге «Маркс после Маркса: постсоветская школа критического марксизма» и в статье «Будущее марксизма и марксизм будущего» подчеркивает значение марксизма в современном мире в деле социального освобождения и возможности соединения экономической эффективности и социальной справедливости [Бузгалин, 2018].

Доктор политических наук, доктор исторических наук Я. А. Пляйс в монографии «Марксизм и социальные революции в России» (Москва, 2019) также признает значимость идей марксизма в истории и современном мире. Вместе с тем, возвращаясь к анализу теории марксизма, он обозначает ряд существенных ошибок: недооценку потенциала капитализма, переоценку роли пролетариата, игнорирование психологического фактора, законов природы человеческих отношений и др. Автор полагает, что наряду с другими факторами просчеты марксизма сыграли свою роль в неудаче социалистического эксперимента в России [Пляйс, 2019, с. 28].

Стремительное распространение марксизма в общественных кругах Российской империи в последней трети XIX века привело к тому, что даже приверженцы народнической доктрины под натиском марксизма покидали свои ряды и становились идейными марксистами. Ярким примером такой метаморфозы в общественной жизни стал путь Г. В. Плеханова.

Идейные баталии между народниками и марксистами начались практически сразу с распространением марксизма, приобрели новую окра-

ску и интенсивность с момента оформления социал-демократической и эсеровской партий. Перипетии политической борьбы сказались и на советской историографии, где марксисты и неонародники резко противопоставлялись друг другу. Только в 1970—80-е годы появляются работы В. Г. Хороса «Неонародническая идеология и марксизм» (Москва, 1972), В. Н. Гинева «Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902—1914 годы» (Ленинград, 1983) и др., в которых предпринимаются попытки объективного анализа идейной доктрины, программных установок эсеровской партии, высказываются идеи об общности революционно-демократических позиций социалистических партий на определенных этапах политической борьбы.

В 1990–2000-е годы в отечественной историографии намечилось две тенденции в изучении доктрины неонародников, мировоззрения Чернова. В рамках первой — ортодоксально-марксистской — продолжают противопоставляться социал-демократическая (марксистская) и неонародническая парадигмы [Горлов, 2011]. В контексте второй — рассматриваются совпадения и различия во взглядах российских социалистов [Леонов, 1997; Ерофеев, 1996; Морозов, 1998].

Сюжеты, связанные с осмыслением марксистской парадигмы в работах Чернова, присутствуют в исследованиях отечественных историков К. В. Гусева, О. В. Коноваловой, А. П. Новикова, А. И. Аврус, А. А. Голосеевой и др., посвященных персонально лидеру эсеров [Гусев, 1999, Коновалова, 2009; Аврус и др., 2013; Аврус и др., 2015], среди зарубежных исследователей — в работах немецкого историка М. Хильдермайера [Hildermeier, 2000], М. Меланкона [Melancon, 1997].

Значительный вклад в исследование проблемы внес финский ученый Х. Иммонен. Автор книги «Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873—1952)» на основе блестящего знания биографии лидера эсеров обстоятельно характеризует ключевые положения его теории и взгляды, в том числе связанные с оценкой и критикой марксизма в межреволюционный период и в эпоху Первой мировой войны, его роль в международном социалистическом движении [Иммонен, 2015].

Как видим, в современных условиях по-прежнему востребовано не только выявление вклада марксизма в историю общественной мысли, но и конструктивное критическое переосмысление его теоретических положений и практики. Значимую роль в этом контексте внес идеолог неонародничества В. М. Чернов. Требуется конкретизация его позиций в исторической ретроспективе по проблемам, связанным с идеологией, теорией и практикой марксизма. Целью данной работы является изучение эволюции взглядов идеолога и теоретика неонародничества, лидера партии социали-

стов-революционеров В. М. Чернова по отношению к марксизму. Новизна исследования состоит в систематизации представлений теоретика неонародничества о марксизме, углублении знаний о развитии его взглядов по данной проблеме в конкретные исторические периоды, определении ключевых этапов и причин эволюции его воззрений.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основными источниками по данной проблематике являются опубликованные и неопубликованные работы лидера эсеров, хранящиеся в отечественных и зарубежных архивах.

В целом в работах Чернова, рассматривавших положения марксистской доктрины в период до Первой мировой войны, можно выделить три ключевых проблематики. Первая — касалась философско-социологических аспектов. К ним можно отнести статьи «Экономический материализм и критическая философия» (Вопросы философии и психологии, 1895), «По поводу новой книги об экономическом материализме (Русское богатство, 1899)», «Типы психологического и социологического монизма» (Русское богатство, 1899) и другие впоследствии вошедшие в сборник его трудов «Философские и социологические этюды» (Москва, 1907).

Второе направление осмысления марксизма в работах касается характеристики классовой теории марксизма, оценки социально-классовой структуры капиталистического общества и определения ее специфики в разных странах в соответствии с теорией типов капитализма, аграрной эволюции. Он рассматривал эти вопросы в своих статьях «Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя» (Санкт-Петербург, 1900; 1906); «К теории классовой борьбы (Революционная Россия, 1903; 1906)» и других, впоследствии включенных в сборник «Социалистические этюды» (Москва, 1908).

Третий аспект, затрагиваемый Черновым в полемике с марксистами, связан с осмыслением аграрного вопроса и перспективы развития общины при переходе к социализму. В книге «Марксизм и аграрный вопрос» (в 2-х частях, Санкт-Петербург, 1906), состоявшей из ранее написанных им и систематизированных статей, и в труде «К вопросу о капитализме и крестьянстве» (Нижний Новгород, 1906) он доказывал, что закон всеобщей пролетаризации не грозит российскому крестьянству в период капитализма, и акцентировал внимание на необходимости разработки аграрной программы.

Все вышеперечисленные работы довоенного периода были переизданы в наше время в сборнике работ Чернова «Избранное» [Чернов, 2010].

Накануне и в период Первой мировой войны Чернов, с одной стороны, углубляет свою концепцию о типах капитализма и стадиях его развития,

с другой — уделяет внимание анализу национального вопроса в построениях марксизма. В работе «Марксизм и славянство» (Петроград, 1917) Чернов поднимает интереснейший вопрос о соотношении национального и интернационального в воззрениях Маркса и о причинах русофобии во взглядах классиков марксизма.

Приход к власти в Германии национал-социалистов, вновь актуализировал перед Черновым, находящимся с 1920 года в эмиграции, вопрос о теории и практике марксизма. На злобу дня в 1933 году Чернов пишет работу «Итоги марксизма», состоявшую из 30 параграфов, но опубликовать ее не удалось. На протяжении нескольких лет он работал над рукописью, дополнял, вносил изменения. К 1937 году работа выросла еще на семь параграфов, но с публикацией дело не продвинулось до сих пор. Рукопись хранится в фонде В. М. Чернова в Государственном архиве Российской Федерации [ГАРФ, ф. 5847, оп. 1, д. 11, л. 45] и в коллекции Б. И. Николаевского в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета США [HOOVER INSTITUTION ARCHIVES, F. 21]. В этой работе он акцентирует внимание на слабых сторонах марксистской доктрины; рассматривает международное значение аграрного вопроса, выявляет причины кризиса социалистического движения. Большой интерес вызывают предпринятый им анализ ошибок и просчетов немецкой и русской социал-демократии, характеристика советского социализма, идеи о конструктивном социализме, диктатуре и демократии.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, историко-генетические методы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В идеях народничества оставался глубокий почвеннический потенциал, обусловленный особенностями социальной жизни России с ее многомиллионным крестьянством и преобладанием аграрного сектора экономики. Вот почему В. М. Чернов, идеолог неонародничества, один из лидеров партии социалистов-революционеров, настаивал на необходимости учитывать своеобразие российских общественных отношений при определении стратегии развития России и направлений общественно-политической борьбы.

Вспоминая свои студенческие годы (с 1892 по 1894 годы он был студентом юридического факультета Московского университета), В. М. Чернов отмечал: «Мы, не марксисты, прилежнее всего занимались тогда именно Марксом. Мы считали “вопросом чести” знать Маркса лучше, чем его сторонники... Мы должны были наизусть знать все самые “существенные” боевые цитаты, на которые приходилось опираться в спорах. Те, кто, как я,

обладал хорошей памятью, порою “откатывали” Маркса по памяти целыми страницами» [Чернов, 2004, с. 43]. Чернов всегда подчеркивал, что для него «Михайловский и Лавров — с одной стороны, Маркс — с другой — в равной мере являются великими учителями социалистической мысли» [Цит. по: Коновалова, 2009, с. 39].

На основе синтеза идей народничества, марксизма с новейшими разработками западной и отечественной научной и общественно-политической мысли выкристаллизовывались основы неонароднической доктрины.

Опираясь на отдельные положения марксизма и одновременно оспаривая неприемлемые для себя идеи, Чернов не мог отрицать то огромное значение, которое имел марксизм для определения его собственной мировоззренческой позиции.

3.1. В. М. Чернов о марксизме до Первой мировой войны

В работах философско-социологического плана Чернов, с одной стороны, солидаризировался с Марксом, соглашаясь с тем, что, безусловно, критерием научной истины является практика и главный смысл философии в том, чтобы осуществлять синтез «правды-истины» и «правды-справедливости», показывать направление нравственной воли к общественному идеалу [Цит. по: Коновалова, 2009, с. 33]. Он также признавал значение теоретических построений марксизма в плане периодизации исторического процесса, изучения законов развития капиталистического общества, классово-борьбы, революции.

С другой стороны, В. М. Чернов обращал внимание на односторонность научных построений марксизма. В исторической концепции последователей исторического материализма, отмечал он, «легко и просто, вне времени и пространства, без отношения к конкретным условиям каждого отдельного случая, решаются с новой точки зрения самые сложные и запутанные практические вопросы социологии и политики» [Чернов, 2010, с. 188]. Чернов считал закономерным и даже своевременным «усиление экономического направления истории», однако полагал, что теоретическая форма, в которую оно вылилось, в том числе в виде пресловутой идеи о базисе и надстройке, больше походит на «формализм», «пустые абстракции», «метафизическую скорлупу» [Там же, с. 196, 200].

С его точки зрения, «классификация социальных “явлений” по их содержанию на экономические, юридические и интеллектуальные на самом деле вовсе не классификация *явлений*, а лишь классификация *элементов*, из которых состоят явления» [Там же, с. 201]. Ему весьма импонировала позиция Н. К. Михайловского, высказанная в статье «Что такое прогресс?»: «Если мы ухватимся за один какой-нибудь социальный элемент, почему-либо бросившийся нам в глаза, и по движению этой части будем

судить о развитии целого, то вся история естественно окрасится для нас односторонним и ложным цветом» [Цит. по: Там же, с. 201—204].

Поиск баланса между универсальным и особенным в истории человечества в дальнейшем приведет его к пониманию того, что существуют общие тенденции в историческом развитии, но они по-разному преломляются в различных национальных культурах [Коновалова, 2009, с. 41—42]. На этой идее построена его концепция типов капиталистической эволюции, определены особенности развития капитализма в странах, поздно вступивших на путь капитализма, с преобладанием аграрного сектора экономики, таких как Россия на рубеже XIX — начала XX веков [Коновалова, 2016, с. 225—243].

Характеризуя классовую теорию марксизма, идеолог эсеров обращал внимание на то, что теория классов и классовой борьбы не является «единственно и исключительно собственностью Маркса». Зарождение этого учения уходит «далеко вглубь истории» и представлено в работах представителей утопического социализма А. Смита, Д. Рикардо, А.И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и др. [Чернов, 2010, с. 205, 206].

Полемизируя с отечественными марксистами, он подчеркивал: «До какой степени наши социал-демократы — “ортодоксы” мало понимают и много вульгаризируют учение Маркса» [Там же, с. 205, 206, 225]. Например, по его мнению, это связано с интерпретацией ими критериев разделения общества на классы. У самого Маркса этот вопрос оказался не до конца проработанным: в самом кульминационном пункте его аргументация прерывается «вместе с недоконченной рукописью третьего тома» («Капитала». — *О. К.*) [Чернов, 2010, с. 19]. Опираясь на отдельные высказывания Маркса, социал-демократы главным критерием разделения общества на классы провозгласили отношения собственности на средства производства. При такой позиции, рассуждал Чернов, в класс буржуазии попадают не только предприниматели-капиталисты, но и докапиталистические ремесленники, и крестьяне, ведущие личное трудовое хозяйство [Там же].

Чернов считал, что более последовательное продолжение классовой теории Маркса представил «один из самых крупных «ортодоксальных» его учеников» К. Каутский. Он в качестве главного критерия разделения общества на классы «выдвигает общность источников дохода, а затем уже — вытекающую из того же первого фактора общность интересов и противоречия их другим группам интересов» [Там же, с. 226—228]. Классовая борьба «есть чрезвычайно сложное историческое образование», — подчеркивал Чернов. — «Оно предполагает сравнительно высокую степень сознания, умения подчинять аффекты и привычки расчету, и даже в самом расчете — умения подчинять ближайшие и непосредственные интересы интересам идеальным и будущим» [Там же, с. 263].

Опираясь на эти положения, с одной стороны, и идею Н. К. Михайловского о народе как совокупности трудящихся классов, с другой, Чернов обосновал концепцию единого рабочего класса — состоявшего из пролетариата и трудового крестьянства, исходя из того, что главным источником их дохода является собственный труд. Это теория стала основой для характеристики социально-политических сил российского общества накануне и в период революции [Коновалова, 2016, с. 225—243]. Безусловно, своеобразной данью марксизму Чернова в молодые годы явилось убеждение в прогрессивности и неизбежности революции. Даже целесообразность тактики политического терроризма, воспринятую им из арсенала народничества, идеолог эсерства обосновывал в числе прочего необходимостью «революционизирования масс» [Там же, с. 70].

Все эти исходные теоретические установки помогли Чернову разработать аграрную программу партии эсеров, включающую положения о социализации земли и развитии кооперации. Однако и здесь не обошлось без марксизма. В работах «Марксизм и аграрный вопрос» и «К вопросу о капитализме и крестьянстве» он доказывал, что закон всеобщей пролетаризации не грозит российскому крестьянству в период капитализма. Истоки такой позиции он усматривал в позднем марксизме.

Полемизируя с отечественными марксистами, он обращал внимание на то, что они упускают из виду эволюцию взглядов Маркса на крестьянство и аграрный вопрос вообще и в России в частности. Действительно, ранние Маркс и Энгельс (периода 1848 года) были убеждены в консервативности и даже реакционности крестьянства, и дальнейшее прогрессивное развитие они связывали с перспективой его пролетаризации [Чернов, 2010, с. 369, 333].

Вместе с тем Чернов признавал, что исследование этого аспекта весьма нетривиально. Сложность изучения взглядов классиков на аграрный вопрос и крестьянство заключается в том, что «мы не имеем теперь перед собой в сколько-нибудь полном и законченном виде марксовой теории аграрной эволюции, параллельно теории индустриальной эволюции» [Там же, с. 345]. Скрупулёзный анализ воззрений Маркса на основе трех томов «Капитала» позволил Чернову продемонстрировать, что идея о своеобразии проявления капитализма в сельском хозяйстве и специфике рабочего вопроса в этой отрасли хозяйства принадлежит позднему Марксу. Подводя некоторый итог своим размышлениям, Маркс писал в 3-м томе «Капитала»: «Мораль истории (производства)... заключается в том, что капиталистическая система противодействует рациональному земледелию» [Цит. по: Там же, с. 363]. Это давало Чернову, опираясь в том числе на идеи Маркса, развивать концепцию некапиталистического пути развития сельского хозяйства в России.

Проводя глубокий сравнительный анализ воззрений Маркса и Энгельса, В. М. Чернов убедительно продемонстрировал, что в начале 1880-х годов классики марксизма уже не отрицали положительной роли крестьянской общины, более того, не исключали возможности, при определенных условиях, перейти крестьянской общине в России «в высшую форму общественного развития, минуя процесс разложения, совершившийся повсюду на Западе» [Там же, с. 27, 462—463].

Отметим, что о глубине анализа Черновым работ Маркса говорит и современный отечественный исследователь А. В. Горлов, весьма критически настроенный к идеологии эсеров и ее автору. В своей статье «Эсеровский идеал системы государственного управления: дрейф от социализма к либерализму» он признает: «В книге “Марксизм и аграрный вопрос”, несмотря на все ее недостатки, Чернов, в отличие от более ранних своих работ, предстает перед нами как несомненный мастер взвешенного, детального и тонкого анализа теоретических взглядов своих оппонентов из социал-демократического лагеря <...> мы видим честную попытку выяснить действительное отношение основоположников марксизма к народничеству» [Горлов, 2011, с. 38]. Горлов приводит также цитату из предисловия ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1882 года, на которую опирался Чернов. В ней классики марксизма отмечали: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [Цит. по: Там же].

Таким образом, мы видим, что в период активного распространения марксизма, роста рабочего и революционного движения Чернов стремился доказать, что его теоретические построения в ряде случаев не чужды позднему марксизму, а его оппоненты из социал-демократического лагеря не учитывали эволюцию взглядов классиков. Такая позиция позволяла при встрече с движением со стороны социал-демократов найти основу для сближения социалистических партий и создавала гипотетическую возможность создания единой партии. Однако исторические реалии России начала XX века, политические амбиции политических лидеров не позволили этому осуществиться.

3.2. В. М. Чернов о марксизме в годы Первой мировой войны

Накануне и в период Первой мировой войны Чернов, с одной стороны, углубляет свою концепцию типов капитализма и стадий его развития, с другой — уделяет внимание анализу национального вопроса в построениях марксизма. В работе «Марксизм и славянство» (Петроград, 1917) Чернов поднимает интереснейший вопрос о соотношении национального

и интернационального в воззрениях Маркса и о причинах русофобии во взглядах классиков марксизма.

Раскол II Интернационала в период Первой мировой войны, считал В. М. Чернов, «есть лишь блестящее продолжение и увенчание той разноголосицы, которая царил в рядах социалистов по данному вопросу изначала» [Чернов, 1917, с. 4—5].

Еще в период революции 1848 года Маркс предполагал, что в условиях распространения пролетарской революции в Европе «Россия и тяготеющее к ней славянство» неизбежно станет внешним врагом, поэтому считал возможным активно вести свою революционную войну, и в ней «он готов был усматривать самый действенный и могучий “локомотив истории”» [Там же, с. 5—6]. Корни таких воззрений Чернов видел во влиянии исторических событий Великой Французской революции и наполеоновских войн. Сближение России и Франции и образование франко-русского союза в начале 1890-х годов вызывали у Энгельса, уже после смерти Маркса, также резкие антирусские настроения.

Конечно, подчеркивал Чернов, «революционный шовинизм Маркса и Энгельса не имел ничего общего с национализмом, с шовинизмом немецким» [Чернов, 1917, с. 12]. Они различали «в современных нациях *правительств от народов*» и, говоря о России как внешнем враге, прежде всего под таким подразумевали «русский военный деспотизм». Но это заигрывание «с якобинской традицией», — обращал внимание Чернов, — не прошло бесследно. Из-под пера Энгельса, — приводил он пример, — выходят такие строки: «На сентиментальные фразы о братстве народов, с которыми обращаются к нам от имени контрреволюционных национальностей Европы, мы отвечаем, — что ненависть к русским (*der Russenhass*) была поныне и является у немцев их первою революционную страстью!» [Там же, с. 12—15]. На этом примере лидер эсеров остановился специально, подчеркнув, что взятая марксизмом на вооружение якобинская традиция «гаит в себе огромную опасность»: «Она чревата внутренне-ложной идеей о возможности внести в другую страну свободу на остриях штыков чужеземных армий» и из революционной практически превращается в бонапартистскую [Там же, с. 15].

Таким образом, Чернов считал, что в мировоззрении классиков марксизма «с точки зрения соотношения национального и интернационального оказались существенные бреши». Первая брешь — «это якобинская традиция, облегчавшая марксизму 48 г. “приятие войны”, толкавшая к утилизированию национального патриотизма в интересах революции, к созданию и укреплению своеобразного “революционного шовинизма”» [Там же, с. 38].

Вторая брешь кроется «в переоценке революционной зрелости пролетариата и творчески-преобразующей роли капитализма» — «переоценке, благодаря которой борцы 1848 года приняли национально-демократический “этап” или “привал” буржуазного строя за конечный пункт его странствия, за историческую смену, его новым строем, социалистическим» [Там же].

Третья брешь «заключается в общей недооценке у Маркса роли национального начала в истории» [Там же]. «Интернационализм», который всегда держит сторону крупных национальностей против мелких — а это почти всегда означает господствующих национальностей против подчиненных — есть интернационализм односторонний, однобокий», — констатирует он [Там же].

Конечно, — признавал лидер эсеров, — по мере роста общественно-политического движения в самой России против деспотизма отношение классиков «к славянскому вопросу становится гораздо более спокойным» [Там же, с. 42]. Однако общая ориентация остается прежней. Приоритетными по-прежнему являлись понимаемые классиками интересы западноевропейского пролетариата.

Более того, в силу исторических особенностей развития Германии, перед которой стояла задача объединения «тридцати шести отечеств», «Маркс и Энгельс по всем своим тенденциям были централизаторами. К федеративному принципу у них была явно выражена идиосинкразия» [Там же, с. 45].

Последний источник «антиславянизма» Маркса и Энгельса В. М. Чернов усматривал в «одностороннем характере всей их социалистической конструкции». Под ним он понимал стремление к созданию «социализма индустриального пролетариата», который он квалифицирует как «однобокий индустриальный социализм». Это отразилось на том, «что в столкновении интересов индустриально-капиталистических наций с земельными они были за первых против вторых». Дело в том, что индустриально-развитые нации рассматривались Марксом как исторически-революционные, а остальные — земельные как контрреволюционные. Однако, как оказалось, эти передовые нации не готовы к социализму, и в конечном итоге, «торжество их над земельными народами» явилось «торжеством буржуазного империализма» [Там же, с. 47].

Оценка Черновым интернационалистических построений марксизма весьма жесткая: «Получившийся из однобокого индустриального социализма, однобокий ущербный интернационализм открывает настежь двери подсознательным пережиткам национальных предрассудков, “симпатий и антипатий”, “притяжений” и “отталкиваний” <...> Теория Маркса была интернационалистической по замыслу. Но ее интернационализм остался

неполным, незавершенным. В теории оказались элементы, самым чувствительным образом этот интернационализм ограничившие» [Там же, с. 51]. Противоречия формы и содержания марксистского интернационализма и привели к расколу марксистскую социал-демократию в годы Первой мировой войны.

Тем не менее Чернов положительно относился в целом к попыткам обоснования интернационалистических позиций в марксизме. Вместе с тем он полагал, что, по сути, «интернационализм, существующий доселе, — еще не интернационализм. Истинный интернационализм не позади, а впереди нас, — не в прошлом, а в будущем...» [Чернов, 1917, с. 51].

Итак, как видим, в годы Первой мировой войны Чернов, стоящий на интернационалистических позициях, весьма жестко критиковал марксистский интернационализм за отсутствие четкой позиции по отношению к национальному вопросу и считал, что в свою очередь это сыграло немало важную роль в расколе социалистического движения.

3.3. В. М. Чернов о марксизме в эмиграции

Приход к власти в Германии национал-социалистов вновь актуализировал перед Черновым, находящимся с 1920 года в эмиграции, вопрос о теории и практике марксизма. Парадокс истории заключался в том, что Гитлер победил на выборах на родине марксизма в 1933 году, ровно через 50 лет после смерти основателя коммунизма.

В работе «Итоги марксизма» В. М. Чернов, с одной стороны, возвращается к слабым сторонам марксистской доктрины, с другой — углубляет свои взгляды в отношении международного значения аграрного вопроса, кризиса социалистического движения. «Через полвека после смерти Карл Маркс подвергается вторичному духовному и политическому изгнанию из родной земли. Его труды осуждены на позорное публичное всеожожение — аутодафе — во вкусе средневековья» (Чернов «Итоги марксизма») [HOOVER INSTITUTION ARCHIVES, F. 21]. Пришедшая к власти «под фальшивым флагом какого-то “национал-социализма” торжествует головокружительные победы демагогия, обещающая возродить германский народ... и раз навсегда “покончить с марксизмом»», — начинал свою работу Чернов [Там же].

Однако «у этого великого “посмертного изгнанника”, как будто, явилась вторая родина» — Советская Россия, «вся переполненная его бюстами, его портретами, его книгами». «Советская Россия, где “марксистами” обязаны быть профессора всех высших и учителя всех средних учебных заведений, где учебники “диамата” — диалектического материализма — унаследовали обязательность прежних катехизисов Филарета, где даже астрономия, геология и биология должны с университетских кафедр по-

даваться “в теоретическом обрамлении марксизма”. Какая из этих “тримас истории хуже?” — задает он риторический вопрос [Там же].

Чернов, безусловно, к этому времени не только не мог ужаснуться приходу фашистов к власти, но и оставался жестким критиком большевистской практики строительства социализма. Негативная оценка процессов, происходящих в Советской России в 1930-е годы, еще больше усиливала его критический взгляд на марксизм. Если в начале века он спорил с социал-демократами, что называется, за Маркса, то теперь он подчеркивает: «Беспристрастие еще раз заставляет нас признать, что большевизм содержится в марксизме, как один из его мыслимых вариантов». Марксизм времен «Коммунистического манифеста» склонялся к будущему большевистскому его «разночтению» гораздо более, чем к «каутцкианскому» (Чернов «Итоги марксизма») [ГАРФ, ф. 5847, оп. 1, д. 11, л. 45].

Почему у идеологии марксизма такая судьба? В чем, несмотря на его безусловную гениальность, ошибся Маркс? Чернов пытался докопаться до истины.

Ставка на пролетариат и диктатуру пролетариата при построении светлого будущего опиралась у Маркса на убеждение, «что все трудовое население подвержено закону прогрессивной универсальной пролетаризации». Маркс не учел, «что прогрессирующая индустриализация производства на известной стадии развития перестает быть источником соответственного увеличения числа рабочих. В век рационализации развитие машинизма производит больше новых безработных, чем новых рабочих», — совершенно справедливо замечает эсер [Там же, л. 15].

Более того, «экономическая пролетаризация и даже пауперизация во все не обязательно имеют своим последствием соответственное развитие пролетарского классового самосознания». Чернов подчеркивал, что Маркс слишком «рационализировал историю», полагая, что рабочий класс как экономическая категория в реальной жизни будет вести себя как «хорошая счетная машинка». Он не учитывал реальную психологию людей, не желавших не только пауперизироваться, но даже и пролетаризироваться, взращивавших в себе «чувство социальной обиды» и желавших выместить ее на ком-то, компенсируя на других, например на евреях, те трудности и лишения, с которыми они лично сталкивались. Именно опираясь «на алогическое и подсознательное» в личности немецких рабочих, ущемленное Версальским миром национальное чувство, «смутную и темную тягу к «компенсационным переживаниям», гитлеровцы оказались «гораздо большими виртуозами в деле массовой агитации и пропаганды» и превзошли апеллирующих к рациональному сознанию рабочих немецких социал-демократов, — подчеркивал он [Там же, л. 19—20].

Наконец, слабым звеном марксистской идеологии В. М. Чернов называл аграрный вопрос. На начальной стадии развития марксизма главной его установкой в отношении крестьян и деревни являлся «индустриоморфизм» — убеждение в аналогичности аграрной и индустриальной эволюции, уверенность в прогрессивности пролетаризации крестьянства. Реальная жизнь заставила изменить свои позиции, и «индустриоморфизм» сменился «индустриоцентризмом»: «Сельское хозяйство больше не мыслилось как развивающееся вполне по типу городской индустрии, но именно поэтому оно и было признано безнадежно инертной частью современной национальной экономики, спутником индустрии» [Там же, л. 51—52].

Чернов был уверен, что вопрос о деревне и городе, индустрии и сельском хозяйстве давно вышел из разряда внутренней политики государств. Эта проблема взаимоотношения между промышленностью и сельским хозяйством в современном мире приобрела международный характер: «Основной противоположности между городом и деревней внутри страны соответствует противоположность между странами — индустриальными метрополиями мира и странами аграрными, странами и народами колониального и полуколониального типа. Страны-метрополии являются субъектами современной империалистической политики, страны-колонии — ее объектами» [Там же, л. 53]. История показала, что различие между ними — «не простое различие между ступенями одной и той же универсальной и общеобязательной лестницы развития... и времени достижения разными нациями и странами тех же самых ее ступенек», как полагал марксизм; «здесь появляется и все отчетливее вырисовывается огромная система международного разделения труда, с явной тенденцией к закреплению “всерьез и надолго”» [Там же, л. 54].

Чернов отмечает, что марксисты в рамках своей концепции о сущности последней империалистической стадии капитализма, ошибаясь, по сути, в скорой кончине капитализма, все же увидели «механизм эксплуатации — в мировом масштабе — аграрных сфер влияния индустриально-капиталистическими метрополиями» и практически признали, что прибавочная стоимость появляется «не только в процессе производства», «но и в не менее грандиозном масштабе в сфере обмена» [Там же, л. 54—55].

Он подчеркивал, что сложившаяся колониальная система практически основана на неэквивалентности обмена между странами, поставляющими сырье, и странами, его перерабатывающими. Прибавочная стоимость, формируясь не только в сфере производства, но и, главное, в сфере обмена между странами, выступает фактором, объединяющим национальную буржуазию и пролетариат под эгидой национального капитализма. Поэтому идея объединения пролетариев всех стран, на которую уповал Маркс, ока-

залься эфемерной. В годы Первой мировой войны «немецкий пролетарий, в теории не знающий отечества, исправно на всех фронтах дрался против такого же, как он, собрата-пролетария» [Там же, л. 59]. «В самых передовых и культурных странах пролетариат, считавшийся авангардом мирового рабочего движения, — оказывался не раз, к ужасу и скорби искренних социалистов, в роли малодушного попустителя и даже пособника империалистической оргии», — констатировал Чернов [Там же, л. 60].

Наконец, «Маркс предрекал социальную революцию и диктатуру пролетариата в итоге ПЕРЕЗРЕЛОСТИ буржуазного общества... от чрезмерного ПОЛНОКРОВИЯ. Он не предвидел и не мог предвидеть, что первые попытки установления диктатуры пролетариата будут продиктованы противоположным мотивом: что буржуазный мир предварительно истощит себя в судорогах мировой войны и что социальные низы восстанут против социального бельэтажа, заявляя, что им не на что содержать его. Он не предвидел судорог социальной революции вследствие истощенности и худосочия» [Там же, л. 61]. Более того, он не мог предположить, что идея диктатуры пролетариата будет провозглашена и реализована в России, преимущественно аграрной стране, где большинство населения — крестьяне. Таким образом, повторяет свой приговор марксизму Чернов, «марксистский международный социализм — был односторонним индустриальным социализмом. Он зародился в том уголке мира, который можно было бы назвать индустриальной метрополией земного шара», и сам долго не замечал своей ограниченности: «Схему собственного развития он возводил в ранг всеобщего закона, считая ее готовым образцом, предвосхищающим дальнейший ход развития всего остального мира» [Там же, л. 53].

4. Заключение = Conclusions

Как видим, взгляды Чернова на роль и значение марксизма в истории общественно-политической мысли и движения не оставались неизменными. В период политических баталий с отечественными социал-демократами в начале XX века лидер эсеров стремился доказать, что знает теоретическое наследие Маркса лучше, чем марксисты, и на основе синтеза теоретических положений марксизма, народничества с идеями западной социал-демократии строил программно-теоретические основы и тактические позиции нарождающегося эсерства.

Накануне и в период Первой мировой войны, прихода к власти большевиков усиливаются критические замечания Чернова по отношению к теории и практике марксизма, в том числе по интернациональному вопросу.

Подводя итоги развития марксизма в 1930-е годы, Чернов назвал их парадоксальной «гримасой истории». С одной стороны, на родине Маркса

к власти пришли национал-социалисты. Это было обусловлено не только историческим своеобразием ситуации, в которой оказалась Германия после Первой мировой войны, тактическими просчетами немецкой социал-демократии, но и идеологическими брешами в самой доктрине марксизма. С другой стороны, критически воспринимая социалистический эксперимент большевиков в России, он подчеркивал неразрывную часть марксизма и большевизма и акцентировал внимание на ошибки и просчеты марксизма. Их он видел в переоценке роли пролетариата, ставке на диктаторские формы власти, игнорировании общечеловеческих принципов морали, демократических ценностей.

Отталкиваясь от большевистского эксперимента, Чернов пытался выстроить собственную альтернативную модель развития России и пришел к идеям «конструктивного социализма», интегральной демократии. Их суть — в распространении принципов демократии: уважения прав и свобод личности, равноценности воле, согласования интересов между большинством и меньшинством и недопустимости насилия — не только на политическую, социально-экономическую, культурную и даже психологическую сферы, но и неизбежно на область международной политики, международных отношений.

После перипетий Второй мировой войны и первого послевоенного времени оставшиеся в живых бывшие эсеры и российские социал-демократы — меньшевики посчитали нужным заявить о том, что бывшие разногласия между этими двумя течениями российского общественного движения уже не имеют значения, и объединились в единую социалистическую партию. Это произошло в США в марте 1952 года, за месяц до смерти В. М. Чернова.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 11. Чернов В. М. Итоги марксизма.
2. *Чернов В. М. Избранное* / В. М. Чернов. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 718 с. — ISBN 978-5-8243-1220-1.
3. *Чернов В. М. Марксизм и славянство* / В. М. Чернов. — Петроград : [б. и.], 1917. — 102 с.
4. *Чернов В. М. Перед бурей : Воспоминания. Мемуары* / В. М. Чернов. — [б. г.] : Харвест, 2004. — 416 с. — ISBN 985-13-1809-4.

5. *HOOVER INSTITUTION ARCHIVES*. В. I. Nicolaevsky Collection, Box 388. F. 21. Чернов В. М. Итоги марксизма.

Литература

1. *Аврус А. И.* От Хвалынска до Нью-Йорка : жизнь и общественно-политическая деятельность В. М. Чернова / А. И. Аврус, А. П. Новиков. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. — 300 с. — ISBN 978-5-292-04231-0.
2. *Аврус А. И.* Виктор Чернов : судьба русского социалиста / А. И. Аврус, А. А. Голосеева, А. П. Новиков. — Москва : Ключ-С, 2015. — 368 с. — ISBN 978-5-906751-39-3.
3. *Бузгалин А. В.* Будущее марксизма и марксизм будущего / А. В. Бузгалин // *Альтернативы*. — 2018. — № 2. — С. 102—116.
4. *Гусев К. В.* В. М. Чернов. Штрихи к политическому портрету / К. В. Гусев. — Москва : РОССПЭН, 1999. — 207 с.
5. *Горлов А. В.* Эсеровский идеал системы государственного управления : дрейф от социализма к либерализму / А. В. Горлов // *Вестник государственного и муниципального управления: страницы истории*. — 2011. — № 1. — С. 35—41.
6. *Гинев В. Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества 1902—1914 гг. / В. Н. Гинев. — Ленинград : Наука, 1983. — 335 с.
7. *Ерофеев Н. Д.* Предисловие к сборнику / Н. Д. Ерофеев // *Партия Социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900—1907 гг.* — Москва : РОССПЭН, 1996. — Т. 1. — С. 8—9.
8. *Иммонен Х.* Мечты о новой России. Виктор Чернов (1873—1952) / Х. Иммонен. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. — 486 с. — ISBN 978-5-94380-198-3.
9. *Коновалова О. В.* Чернов о путях развития России / О. В. Коновалова. — Москва : РОССПЭН, 2009. — 383 с. — ISBN 978-5-8243-1128-0.
10. *Коновалова О. В.* Идеология неонародничества (по работам В. М. Чернова) / О. В. Коновалова // *Народники в истории России*. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. — С. 225—243.
11. *Леонов М. И.* Партия социалистов-революционеров в 1905—1907 гг. / М. И. Леонов. — Москва : РОССПЭН, 1997. — 512 с.
12. *Морозов К. Н.* Партия социалистов-революционеров в 1907—1914 гг. / К. Н. Морозов. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 512 с.
13. *Новиков А. П.* В. М. Чернов : Человек и политик. Материалы к биографии / А. П. Новиков. — Саратов : Аквариус, 2004. — 318 с.
14. *Пляйс Я. А.* Марксизм и социальные революции в России / Я. А. Пляйс. — Москва : Центркаталог, 2019. — 128 с. — ISBN 978-5-903268-09-2.
15. *Розов Н. С.* Идеи и ошибки марксизма в свете исторической макросоциологии / Н. С. Розов // *Идеи и идеалы*. — 2018. — Т. 2. — № 4 (38). — С. 42—60.
16. *Степнов П. А.* Марксизм как идеократия и наука / П. А. Степнов // *Наука о человеке : гуманитарные исследования*. — 2020. — Т. 14. — № 4. — С. 232—247.
17. *Симченко Н. А.* Марксистская экономическая теория в истории капитализации России / Н. А. Симченко, Ю. Цехла, А. Т. Потеева. — Симферополь : АРИАЛ, 2018. — 375 с. — ISBN 978-5-906962-83-6.
18. *Хорос В. Г.* Неонародническая идеология и марксизм / В. Г. Хорос. — Москва : Наука, 1972. — 176 с.
19. *Hildermeier M.* The Russian Socialist Revolutionary Party before the First world war / M. Hildermeier. — New-York : LIT Verlag Münste, 2000. — 385 p.

20. *Melancon M. Chernov / M. Melancon // Critical companion to the Russian Revolution 1914—1921 / Edited by Edward Acton, Vladimir Cherniaev, Willian Rosenberg. — London, Sydney, Auckland : Indiana University Press, 1997. — 782 p.*

*Статья поступила в редакцию 13.11.2024,
одобрена после рецензирования 25.01.2025,
подготовлена к публикации 20.03.2025.*

Material resources

- Chernov, V. M. (2004). *Before the storm: Memoirs. Memoirs.* [b. g.]: Harvest. 416 p. ISBN 985-13-1809-4. (In Russ.).
- Chernov, V. M. (2010). *Favorites.* Moscow: ROSSPEN. 718 p. ISBN 978-5-8243-1220-1. (In Russ.).
- Chernov, V. M. (1917). *Marxism and Slavism.* Petrograd: [b. i.]. 102 p. (In Russ.).
- Chernov, V. M. Results of Marxism. *GARF. F. 5847. Op. 1. D. 11.* (In Russ.).
- Chernov, V. M. Results of Marxism. *HOOVER INSTITUTION ARCHIVES. B. I. Nikolaevsky Collection, Vol. 388. F. 21.* (In Russ.).
- GARF — *The State Archive of the Russian Federation.* (In Russ.).

References

- Avrus, A. I., Goloseeva, A. A., Novikov, A. P. (2015). *Viktor Chernov: the Fate of a Russian socialist.* Moscow: Klyuch-S. 368 p. ISBN 978-5-906751-39-3. (In Russ.).
- Avrus, A. I., Novikov, A. P. (2013). *From Khvalynsk to New York: the life and socio-political activity of V. M. Chernov.* Saratov: Sarat Publishing House. University. 300 p. ISBN 978-5-292-04231-0. (In Russ.).
- Buzgalin, A. V. (2018). The future of Marxism and Marxism of the future. *Alternatives, 2:* 102—116. (In Russ.).
- Ginev, V. N. (1983). *The struggle for the peasantry and the crisis of Russian neo-narodism in 1902—1914.* Leningrad: Nauka Publ. 335 p. (In Russ.).
- Gorlov, A. V. (2011). The Socialist Revolutionary ideal of the public administration system: the drift from socialism to liberalism. *Bulletin of State and Municipal Administration: pages of History, 1:* 35—41. (In Russ.).
- Gusev, K. V. (1999). *V. M. Chernov. Strokes to a political portrait.* Moscow: ROSSPEN. 207 p. (In Russ.).
- Hildermeier, M. (2000). *The Russian Socialist Revolutionary Party before the First world war.* New-York: LIT Verlag Münste. 385 p.
- Immonen, H. (2015). *Dreams of a new Russia. Victor Chernov (1873—1952).* St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 486 p. ISBN 978-5-94380-198-3. (In Russ.).
- Khoros, V. G. (1972). *Neo-national ideology and Marxism.* Moscow: Nauka Publ. 176 p. (In Russ.).
- Konovalova, O. V. (2009). *Chernov on the ways of development of Russia.* Moscow: ROSSPEN. 383 p. ISBN 978-5-8243-1128-0. (In Russ.).
- Konovalova, O. V. (2016). Ideology of neo-populism (based on the works of V. M. Chernov). In: *Narodniks in the history of Russia.* Voronezh: VSU Publishing House. 225—243. (In Russ.).
- Leonov, M. I. (1997). *The Socialist Revolutionary Party in 1905—1907.* Moscow: ROSSPEN. 512 p. (In Russ.).

- Melancon, M. (1997). Chernov. In: *Critical companion to the Russian Revolution 1914—1921*. London, Sydney, Auckland: Indiana University Press. 782 p.
- Morozov, K. N. (1998). *The Socialist Revolutionary Party in 1907—1914*. Moscow: ROSSPEN Publ. 512 p. (In Russ.).
- Novikov, A. P. (2004). *V. M. Chernov: A man and a politician. Materials for the biography*. Saratov: Aquarius. 318 p. (In Russ.).
- Plais, Ya. A. (2019). *Marxism and social revolutions in Russia*. Moscow: Tsentrkatalog. 128 p. ISBN 978-5-903268-09-2. (In Russ.).
- Rozov, N. S. (2018). Ideas and mistakes of Marxism in the light of historical macrosociology. *Ideas and Ideals, 2 / 4 (38)*: 42—60. (In Russ.).
- Simchenko, N. A., Tsekha, Y., Poteeva, A. T. (2018). *Marxist economic theory in the history of Russian capitalization*. Simferopol: ARIAL. 375 p. ISBN 978-5-906962-83-6. (In Russ.).
- Stepnov, P. A. (2020). Marxism as ideocracy and science. *Science of man: humanitarian studies, 14 (4)*: 232—247. (In Russ.).
- Yerofeyev, N. D. (1996). Preface to the collection. In: *The Party of Socialist Revolutionaries. Documents and materials. 1900—1907, 1*. Moscow: ROSSPEN. 8—9. (In Russ.).

*The article was submitted 13.11.2024;
approved after reviewing 25.01.2025;
accepted for publication 20.03.2025.*